
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ И МИРОВОЙ ПОРЯДОК: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ*

Дестабилизация – важнейшая и неизбежная часть социально-политических и иных процессов и трендов, имеющая место на протяжении всей человеческой истории. Циклы порядка и беспорядка, дестабилизации и стабилизации, разрушения и созидания происходят на всех уровнях общества и Мир-Системы, в самых разных формах и по самым разным причинам. Ведь развитие никогда не идет гладко и постоянно сопровождается самыми разными, часто очень тяжелыми потрясениями и катаклизмами. Изучение типов, форм, причин дестабилизации, их классификация и уточнение терминологии их анализа – очень важная задача, которая, к сожалению, пока не привлекла к себе достойного внимания. Однако чем лучше будет проработана такая классификация, чем глубже будут поняты эти процессы, тем более очевидным станет то, что все эти часто кажущиеся не связанными явления и процессы суть разные формы общего процесса развития общества и человечества в целом.

Можно ли в принципе избежать дестабилизации? С одной стороны, мы видим, что к настоящему времени удалось добиться многого в плане уменьшения негативных последствий и смягчения наиболее разрушительных форм дестабилизации. Но, с другой стороны, нельзя обольщаться надеждой, что нам удалось открыть бесконфликтный путь вперед. Сила

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Гринин, Л. Е. 2023. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории. *История и современность* 4: 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

For citation: Grinin, L. E. 2023. Destabilization and World Order: Some Issues of the Theory. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 3–31 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

История и современность, № 4, декабрь 2023 3–31

DOI: 10.30884/iis/2023.04.01

противоречий, стремление к власти, переделу ресурсов, навязыванию собственных идеологий и точек зрения, отказ в уважении к иным путям развития, образу жизни и пр. столь велики, что конфликты, к сожалению, становятся неизбежными. И последние события в мире – СВО, обострение конфликта в Палестине и пр. – показали, насколько хрупкими и даже наивными были наши надежды на то, что эпоха войн осталась позади. Таким образом, изучение дестабилизации и ее форм становится чрезвычайно актуальной и практико-ориентированной задачей.

***Ключевые слова:** дестабилизация, стабилизация, мировой порядок, Мир-Система, государственный переворот, триггеры дестабилизации, циклы порядка и беспорядка, кризисы, революции, выборы.*

Раздел I. ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

1. Дестабилизация как обязательный фактор исторического развития и смены мирового порядка

Дестабилизация – важнейшая и неизбежная часть социально-политических и иных процессов, прослеживающаяся на протяжении всей человеческой истории. Подобно двум гегелевским противоречиям, дестабилизация и организация (включая в себя также элемент стабилизации) всегда находятся в динамическом единстве и борьбе. Периоды укрепления порядка сменяются периодами его ослабления в результате различных процессов дестабилизации. При этом, с одной стороны, дестабилизация – это энтропия порядка в обществе, а с другой – орудие творческого разрушения (по выражению Й. Шумпетера [2007]). Иначе любой режим и любой социальный институт вечно пребывали бы в застое. Каждый исследователь истории сталкивается с самыми разными типами дестабилизационных событий, при этом некоторые из них становятся крупными вехами всемирной истории. Например, варварские нашествия и великие переселения народов IV–V вв. н. э. привели к полному упадку Западной Римской империи и формированию на ее развалинах целого ряда новых варварских государств, которые дали начало современным европейским нациям. Войны всегда были дестабилизационным фактором, но некоторые из них (в том числе мировые) сыграли значимую роль в переформатировании политической карты, изменяя региональный, европейский или мировой порядок. Здесь мы подходим к тому, что на самом деле дестабилизация и мировой порядок тесно связаны, поскольку смена мирового порядка – это всегда изменение соотношения сил, которое ведет к дестабилизации старого и борьбе за новый мировой порядок

(последняя есть высшая форма дестабилизации), которые в конечном счете переходят в период стабилизации и стабильности (см. ниже).

Таким образом, циклы порядка и беспорядка, дестабилизации и стабилизации происходят на всех уровнях общества и Мир-Системы, в самых разных формах и по самым разным причинам. Изучение этих типов, форм, причин, их классификация и упорядочение в научных терминах – очень важная задача, которая, к сожалению, пока не привлекла к себе достойного внимания. Имеется множество исследований отдельных видов дестабилизации – протестов, террористической деятельности, гражданских войн, военных переворотов и т. д. Однако обобщающих работ по общим закономерностям социально-политической дестабилизации крайне мало.

Чем глубже будут обобщения, чем точнее сформулированы закономерности, чем лучше проработана такая классификация, тем более очевидным станет то, что все эти часто кажущиеся не связанными явления и процессы суть разные формы общего процесса развития общества и человечества в целом. Никогда это развитие не шло гладко и спокойно, но постоянно сопровождалось самыми разными, часто очень тяжелыми потрясениями и катаклизмами.

Можно ли в принципе избежать дестабилизации? Мы видим, что к настоящему времени удалось добиться многого в плане уменьшения негативных последствий и смягчения наиболее разрушительных форм дестабилизации. А значит, прогресс тут возможен. Вот почему, с одной стороны, крайне важно бороться за то, чтобы движение вперед было наименее затратным и оптимальным, а дестабилизации происходили в законных формах, «по правилам», и в этом есть несомненные успехи. Но, с другой стороны, нельзя обольщаться надеждой, что нам удалось открыть бесконфликтный путь вперед. Сила противоречий, стремление к власти, переделу ресурсов, навязыванию собственных идеологий и точек зрения, отказ в уважении к иным путям развития, образу жизни, обычаям и пр. столь велики, что конфликты, к сожалению, становятся неизбежными. Последние события в мире – СВО, обострение конфликта в Палестине и другие – показали, насколько хрупкими и даже наивными были наши надежды на то, что эпоха войн осталась позади. Хотя и нельзя сказать, что эти надежды вовсе не имели под собой оснований, все же возобладал силовой вариант. И вновь стоит указать, что начало военного конфликта масштаба, невиданного

со времен Второй мировой войны, напрямую связано с борьбой за изменение мирового порядка.

Дестабилизация (как по своим формам, так и по своим причинам) может выражаться не только в социально-экономических и политических, но и в природных аспектах. Любые масштабные изменения в климате, ландшафте, режиме рек, трансгрессиях или регрессиях морей и т. п. неизбежно вели к радикальным переменам в образе жизни, демографии и политической стабильности. И сегодня мы наблюдаем, как изменения климата в тех или иных местах (чем бы они ни были вызваны) ведут к заметным потрясениям в экономике, образе жизни и политике. Еще несколько лет назад казалось, что пандемии – это явление прошлого (а они очень значительно влияли на дестабилизацию, поскольку население сильно сокращалось [Russel 1975; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022a]). Однако COVID-19 показал, что и сегодня это крайне опасное явление, становящееся еще более страшным, если оно рукотворное.

Стоит также обратить внимание, что в последние десятилетия мы стали свидетелями уникального исторического эксперимента – планомерного и мирного строительства единого европейского политического организма, Европейского союза. При всех трениях европейцам удавалось избежать дезинтеграции и дестабилизации даже в тяжелый период мирового финансово-экономического кризиса 2010–2013 гг. И это, несомненно, огромный успех, которым нельзя не восхищаться, как бы мы ни относились к современным европейским политикам. Хотя стоит отметить, что это в основном заслуга не нынешних политиков, а их гораздо более достойных предшественников, среди которых были действительно выдающиеся деятели. Но, с другой стороны, мы ясно видим, что строительство ЕС зашло в тупик, поскольку общеевропейские интересы были подменены глобалистскими и зелеными целями, а также интересами евробюрократии, которую, в свою очередь, окончательно и бесповоротно подчинили себе США. Нет европейского суверенитета – нет и развития. Поэтому не исключено, что в ЕС будут нарастать дестабилизационные процессы – либо вследствие усиления стагнации на фоне нездоровой этнодемографической ситуации, либо в том случае, если к власти придут силы, выступающие против европейского единства и за возврат национального суверенитета, либо по иным глубинным причинам. Впрочем, дестабилизационные процессы, несомненно, будут происходить и в отколовшихся от ЕС странах, что мы сегодня наблюдаем в Великобритании. В любом

случае предсказание Освальда Шпенглера о закате Европы все ближе к реальности (Шпенглер 1993)¹.

Мы видим многочисленные и разноплановые процессы дестабилизации и дестабилизационные события в современном мире. В одних случаях, как в последние годы в США, можно наблюдать усиливающийся раскол нации по все более возрастающему числу фундаментальных моментов². В других общества разрываются на части этнополитическими, социальными или религиозными противоречиями, революциями и гражданскими войнами, территории являются ареной бесконечных территориальных споров или живут в условиях террора радикалов и т. д. и т. п. В третьих ослабление центра ведет к распаду крупных государств и разрушению прежних связей, институтов и падению уровня жизни. Примеры распада СССР и Югославии здесь очень характерны. Но дестабилизационные процессы могут зримо проявлять себя в виде деградации денежной и экономической системы; демографической структуры, семьи, брака, половой структуры; национальных систем образования (включая дошкольное); упадка религий; роста психических заболеваний (что нередко ведет к массовым убийствам с помощью огнестрельного или иного оружия). Однако очень важно понимать, что эти, казалось бы, разноуровневые, относящиеся совсем к разным сферам и совершенно не связанные между собой процессы неожиданно оказываются разными звеньями общих процессов, в том числе многое из упомянутого выше (особенно связанного с США) есть проявления процесса, названного нами реконfigurацией Мир-Системы, который рано или поздно приведет к смене американского мирового порядка (Гринин, Коротаев 2023).

Многие процессы деградации, ведущие к дестабилизации, оказываются связанными по очень простой (но оттого еще более опасной) причине. Дело в том, что за всеми ними стоят могущественные финансовые, технологические и политические силы, во многом координирующие свои действия, – мы называем их глобалистами. И роль этих глобалистов в процессе переформатирования как об-

¹ Книга впервые была издана в 1918 г. В своем прогнозе, говоря о закате Европы, Шпенглер не приводил точных дат, но косвенно предполагал примерно столетний срок. Поэтому его прогноз можно считать довольно точным.

² В результате чего наблюдается стремительный рост недовольства и недоверия к власти, управленческим структурам, электоральной системе, институту голосования, медиа, науке, институту образования и т. п. (см.: Гринин 2018; 2020a; Grinin, Korotayev 2020; Deneen 2018).

щей ситуации, так и мирового порядка очень велика (подробнее см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а, 2021б, 2021в, 2021г)³.

Таким образом, любое общество можно рассматривать как систему, которая испытывает внутреннее и внешнее влияние. Учет силы этого влияния, баланс экзогенных и эндогенных факторов являются одним из наиболее сложных видов анализа, особенно с учетом того, что между ними существуют сложные прямые и обратные связи, которые могут как усиливать, так и ослаблять те или иные импульсы (см.: Коротаев и др. 2017). Особенно важен этот учет для понимания причин успеха или неудачи серьезных преобразований. Еще более он важен при анализе состояний нестабильности, их причин, и тем более таких крупных потрясений, как революции. Так, например, мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. оказал огромное влияние на события «арабской весны» (Гринин 2012), в частности в виде так называемой агфляции. С другой стороны, такие, казалось бы, внутренние события, как выборы президента (особенно если это касается сверхдержавы), становятся факторами глобального масштаба, способными вызвать политические трансформации в самых разных местах.

Итак, дестабилизация или хотя бы ее угроза – неизбежная фаза развития любого общества на определенном этапе (этапах). Вопрос состоит в том, насколько общество способно ей противостоять, насколько оно институционализировано и адаптивно к различным угрозам, используя характеристики С. Хантингтона (2004). Анализ показывает, что, с одной стороны, общества, способные добиться устойчивого порядка и его воспроизводства, в состоянии не только преодолеть такие угрозы, но и институционализировать механизмы, которые будут препятствовать возникновению подобных ситуаций.

С другой стороны, опыт показывает, что даже успешные и гибкие институты стареют и становятся недостаточно эффективными. В результате они перестают предохранять общество от кризисов, как делали это раньше. Миграционный кризис, который ударил по Европе в начале 2015 г., едва не расколол ее, вызвав политическое

³ В качестве примера общемировых изменений можно привести COVID-19, который очень сильно изменил нашу жизнь и являлся мощным дестабилизирующим фактором. В отношении мирового порядка следует иметь в виду, что глобальные силы так или иначе подчинили себе политиков и администраторов на разных уровнях (от городов до государств) в десятках стран мира и функционеров едва ли не всех мировых и международных организаций.

замешательство в целом ряде государств, наглядно показал, что европейские страны на данный период разучились делать то, что им хорошо удавалось в прежние эпохи – жестко охранять порядок и свои границы (см.: Гринин и др. 2016). Президентские выборы 2016, 2020 гг. и предстоящие выборы 2024 г. в США вызвали в американском обществе заметный раскол, который к тому же все усиливается и расширяется, а также небывалое со времен Гражданской войны противостояние в политической системе (Гринин 2020a). И последствия этого противостояния пока не ясны. Это показывает, что индальгенции от дестабилизации нет ни у одного режима, ни у одного объединения. Но гораздо более восприимчивы к дестабилизирующим ситуациям и факторам общества и государства, где механизмы противодействия таким вызовам не институционализированы в необходимой степени (поэтому молодые государства Африки гораздо более подвержены дестабилизации, чем государства с длительной историей при прочих равных условиях, см.: Гринин и др. 2018). При этом различные факторы могут воздействовать на те или иные общества по-разному, что связано с их историческими и политическими особенностями, к тому же реакция во многом зависит от конкретного момента и ситуации. Тем не менее некоторые тенденции и закономерности в отношении факторов, способных вызвать дестабилизацию, вполне можно установить, что и является одной из задач настоящей статьи.

Сказанное подчеркивает важность не просто исследования таких факторов, но и определения уровня их опасности, обстановки, в которой они могут проявить себя наиболее неожиданно и жестко, уровней показателей, которые являются индексами, указывающими на повышение опасности дестабилизации, и т. п.

2. О возможной типологии дестабилизационных событий

2.1. О существующих типологиях дестабилизационных событий

К сожалению, типологии дестабилизационных событий разработаны слабо и несистемно. Среди существующих стоит отметить типологию базы **Cross National Time Series (CNTS)**, которая выделяет восемь их типов:

1. Политические убийства.
2. Политические забастовки.
3. Партизанские действия.

4. Правительственные кризисы.
5. Политические репрессии.
6. Массовые беспорядки.
7. Революции (сюда также фактически входят перевороты и попытки переворотов).
8. Антиправительственные демонстрации.

Все перечисленные восемь подкатегорий используются при построении общего индекса социально-политической дестабилизации. Для этого составители базы данных CNTS присвоили каждой подкатегории определенный вес, так как по своей силе это различные типы. Также даны в целом рабочие характеристики указанных типов (см.: Databanks... n. d.; Banks, Wilson 2020).

Это полезная, но далеко не полная типология. Одна из причин в том, что в ней фактически учитываются лишь внутренние факторы дестабилизации, а также только те факторы, которые можно оцифровать.

База **Uppsala Conflict Data Program**⁴ рассматривает как внутренние, так и внешние факторы дестабилизации, но только в определенном аспекте, а именно – исключительно вооруженные формы дестабилизации (конфликты), деля их по типам конфликтов, где применяется вооруженное насилие (State-Based Violence; Non-State Violence; One-Sided Violence / государственное насилие; негосударственное насилие; одностороннее насилие), и масштабам (UCDP n. d.).

В рамках проекта **Conflict Location & Event Data Project (ACLEDD)**⁵ в режиме реального времени собираются данные о местах, датах, действующих лицах, погибших и типах всех зарегистрированных случаев политического насилия и протестных акций по всему миру. Они, в частности, выделяют:

- 1) вооруженные сражения, конфликты;
- 2) взрывы / дистанционное насилие;
- 3) насилие против гражданского населения;
- 4) насилие во время массовых акций (буквально «в толпе»; это сходно с насилием во время массовых беспорядков);
- 5) протесты (с насильственными действиями);
- 6) демонстрации с применением насилия (ACLEDD n. d.).

Можно упомянуть также типологию, используемую Эрикой Ченовет и ее соавторами, которые составляют базу различных протестных движений, так называемых кампаний (campaigns). Иссле-

⁴ Программа обработки данных о конфликтах.

⁵ Проект по сбору данных о местонахождении и событиях конфликтов.

дователи делят их на насильственные и ненасильственные; направленные на свержение режима и на получение независимости/автономии (см.: Chenoweth, Stephan 2011; Chenoweth, Ulfelder 2017; Chenoweth, Shay 2020).

Как мы видим, все эти типологии связаны с анализом баз и их оцифровкой. Соответственно, типология подчинена методологическим задачам оцифровки баз.

Из не связанных с такими базами можно упомянуть довольно давнюю периодизацию, приведенную в известной книге Эдварда Люттвака «Государственный переворот. Практическое пособие», изданной еще в 1968 г. и служившей, как и следует из названия, практическим пособием для тех, кто готовил государственные перевороты (Люттвак 2017). Автор объединяет перечисленные далее формы в общее понятие «государственный переворот», так как все они связаны со сменой власти, произведенной насильственным путем (в основном вооруженным, но не всегда).

Это: 1) революция; 2) гражданская война; 3) пронунсиаменто⁶; 4) путч⁷; 5) освобождение⁸; 6) национально-освободительная война, повстанческое движение и т. д.

Относительно последней (шестой) формы государственного переворота Э. Люттвак поясняет, что в данной форме внутреннего конфликта целью начинающей его стороны является не захват власти в государстве, а, скорее, создание соперничающих государственных структур. Это пояснение не совсем понятно; возможно, речь идет о создании параллельных властных структур, как бывает при повстанческо-партизанской борьбе (см. ниже), но, может быть, речь идет не просто о захвате власти (эта цель всегда имеет место), но о создании формы нового политического или социально-политического режима (например, народно-демократического, социалистического). На наш взгляд, здесь Люттвак искусственно

⁶ Автор поясняет, что это испанская/южноамериканская версия военного переворота, хотя ей соответствовали и многие перевороты, произошедшие в Африке.

⁷ Путч, согласно Э. Люттваку, феномен военного и короткого послевоенного периода. Он предпринимается формальным органом внутри вооруженных сил и под их руководством. Термином «путч» чаще всего определяют опять же южноамериканскую версию военного переворота.

⁸ Здесь Люттвак имеет в виду смену режима, произведенную внешними силами, приводя в качестве примера установление коммунистического режима в Румынии в 1947 г. (подробнее о таких формах см.: Grinin L., Grinin A. 2022). Добавим, что современные цветные революции часто напоминают такое «освобождение».

объединил два или три типа: 6.1. Национально-освободительное движение (борьба) за независимость, автономию; 6.2. Борьба с иностранными интервентами (как, например, во Вьетнаме боролись с американцами); 6.3. Партизанское движение, которое может длиться очень долго и довольствоваться тем, что партизанские районы имеют особые формы политического управления, которые не только не подчиняются центральному правительству, но и воюют с ним.

Однако даже при таком расширении эта типология явно не полна, не говоря уже о том, что современная политическая наука давно не относит революции к государственным переворотам. Государственный (военный) переворот выделяют как особый тип насильственной смены режима наряду с революциями.

Таким образом, понятие «государственный переворот» в этой периодизации взято в широком смысле, и более точным здесь было бы определение «насильственная смена власти / политического режима». Но, поскольку Э. Люттвак писал практическое пособие, он, с одной стороны, определил государственный переворот очень широко, а с другой – специально выделил разные формы вооруженного государственного переворота (пронунсиаменто и путч).

Но здесь не упомянуты такие формы свержения (или попыток свержения) центральной власти и/или режима: а) как восстания с участием вооруженных сил (например, восстание декабристов); б) народные восстания, посредством которых иногда свергались династии (такое несколько раз происходило в Китае); в) мятежи, как спонтанные, так и планируемые – в частности, во главе с претендентом на престол (это не гражданская война в полном смысле, а именно мятеж); г) другие.

Кроме того, помимо вооруженных, насильственных, военных переворотов, есть и иные типы государственных переворотов, которые могут происходить мирным путем: например, конституционный переворот в результате получения необходимого большинства на выборах и полной смены законодательства. Наиболее известный пример – захват власти NSDAP (Национал-социалистической немецкой рабочей партией) под руководством А. Гитлера в 1933 г., другой пример – смена режима в ЮАР в результате выборов в 1990-х гг. (см.: Grinin L., Grinin A. 2022). Это также организация импичмента с последующим переустройством страны. Такие невооруженные перевороты (наряду с некоторыми вооруженными, но имевшими очень масштабные последствия) мы называем аналогами революции, поскольку они, хотя и происходят путем, отлич-

ным от революционного (где требуется так называемая массовая мобилизация), по результатам равносильны революции (подробнее см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021д; Grinin L., Grinin A. 2022; Гринин, Коротаев 2021).

2.2. Факторы, способствующие дестабилизации или вызывающие ее

Об этих факторах в разных контекстах, разумеется, много говорят, однако их систематизации явно не хватает.

Ниже мы выделяем: 1) триггеры дестабилизационных событий/процессов; 2) амбивалентные события, которые могут являться или не являться источниками дестабилизации, при этом чаще имеет место последний вариант; 3) факторы, которые в большинстве случаев способствуют дестабилизации.

Триггерами дестабилизации в обществе могут стать самые разные причины, часто даже незначительные (хотя задним числом, конечно, обнаруживаются сигналы и «трещины», свидетельствующие о нарастании проблем, но, по крайней мере, они не были очевидными всем). Такие события можно сравнить со сходом сели в горах. Его может и не случиться, но он способен произойти даже в результате громкого крика. Иными словами, в бифуркационной ситуации всякое событие может стать критическим. Естественно, что чем больше противоречий накопилось в обществе, тем вероятнее такой исход. Триггером может стать любой коррупционный скандал, убийство лидера или даже простого человека и т. п., особенно в ситуации, когда в обществе неспокойно. Мы сформулировали концепцию общей революционной ситуации (неустойчивая ситуация хрупкого мира в обществе), где любой кризис может привести к созданию непосредственной революционной ситуации и, при благоприятных для нее обстоятельствах, революции (Grinin 2022a; Гринин 2020a). Но общая кризисная ситуация, ведущая к дестабилизации, может иметь и не революционную природу (например, при этнической, расовой или религиозной вражде).

Факторы, вызывающие дестабилизацию, и амбивалентные причины. Можно выделить факторы и события, которые всегда или в большинстве случаев так или иначе влияют на дестабилизацию или непосредственно вызывают ее. Это войны, перевороты, революции, стихийные бедствия, кризисы и др. О них подробнее сказано ниже. Но есть и факторы, которые иногда (даже достаточно часто, но все же не в большинстве случаев) оказывают дестаби-

лизационное воздействие. Соответственно, это зависит от особенностей общества (места) и момента. Рассмотрим эти амбивалентные факторы, в частности в рамках демократических процедур.

1) Выборы. Казалось бы, выборы в демократических странах предназначены именно для того, чтобы смена власти происходила с наименьшими потрясениями. Однако вовсе не случайно именно выборы (их проведение и результаты) часто становятся началом цветных революций (как и революций вообще). В странах с расколотой или неполной демократией⁹, там, где демократические выборы только лишь введены, или в ситуациях устойчивого общественного противостояния они могут стать толчком для мощнейшей дестабилизации, которая способна вылиться в террор, гражданскую войну, раскол общества и т. п. (к примеру, такими были выборы 1933 г. в Германии, 1991 г. в России и других республиках СССР, выборы 2004 г. на Украине, 2020 г. в США и т. п.).

2) Предвыборная борьба. Она порой может быть даже более дестабилизирующей, чем сами результаты выборов (например, 2020 г. в США и, возможно, предвыборный период 2024 г. будет таким же).

3) Важные решения, принятые демократическим путем. Это может быть связано с тем или иным законом, решением, референдумом (например, таким как Брекзит). К примеру, 2023 г. в Израиле ознаменовался длительными и упорными протестами против изменения судебной системы.

2.3. Причины дестабилизационных событий. Классификация

Ниже мы перечисляем причины дестабилизационных событий (часть из них носит объективный характер; часть зависит от действий людей, но часть таких действий не имеет цели достичь дестабилизации, а другие, напротив, имеют данную конкретную цель). При этом одни и те же явления могут в разных контекстах рассматриваться и как причина, условие, триггер дестабилизации, и как сам процесс дестабилизации. Например, неудачные военные действия далеко от столицы будут причиной дестабилизации при ухудшении ситуации, а война на определенной территории, беженцы, разруха и пр. – это и есть непосредственно дестабилизация.

⁹ Расколотая демократия, в которой сложилось очень жесткое разделение избирателей на фракции и одна из них не воспринимает другую (этнорасовое, религиозное деление и др.).

Те факторы, которые можно отнести к собственно дестабилизационным событиям, выделены курсивом.

1. *Кризисы* разного рода (долговой, валютный, экономический, религиозный, политический и пр., которые сами по себе способствуют ослаблению стабильности и являются базой для протестов, переворотов, волнений и революций).

2. *Внешние шоки, особенно связанные с резким изменением экономической ситуации*¹⁰.

3. Быстрая перестройка основ общества (это и ускоренная модернизация, и ускоренное реформирование, и др.). Она в любом случае способствует ослаблению стабильности и является базой для протестов, переворотов, волнений и революций. Перестройка в СССР – яркий пример сказанного.

4. Неспособность правительства защитить население от преступности и террора (исламские радикалы в Африке [Гринин 2020в; 2021а]; наркодилеры в Колумбии); разгул преступности – иногда при попустительстве властей, которые создают обстановку хаоса, чтобы иметь повод для введения чрезвычайного положения. Это также ведет к попыткам населения организовать самооборону, росту автономии и дополнительному ослаблению центра. Следующий пункт продолжает тему ослабления центра.

5. Ослабление центра и рост влияния местных элит и сил, что приводит к утрате законности и выстраиванию новых отношений, а равно столкновениям. Устанавливается временный квазипорядок, который может, например, прерываться борьбой преступных группировок.

6. *Природные катаклизмы*, вызывающие потерю управления, разгул преступности и мародерства (яркий пример – ураган «Катрина» в Новом Орлеане в 2005 г.¹¹). Пандемии – также очень тяжелый случай дестабилизации.

¹⁰ В свое время нефтяные шоки, связанные с резким повышением ОПЕК цен на нефть в 1970-х гг., существенно дестабилизировали ситуацию в США и Европе, вызвав там мощнейший после Второй мировой войны кризис и усиление протестного движения. Падение цен на нефть в 1980-е гг. стало одной из причин крушения СССР, а также дестабилизации в ряде нефтеэкспортирующих стран, таких как Алжир. Продолжающийся тренд низких цен на нефть привел к дефолту в России в 1998 г.

¹¹ Можно также привести в пример катастрофическое землетрясение в Гаити в 2010 г., в результате которого погибло 140 тыс. человек, без крова осталось 3 млн человек, и от последствий которого страна не оправилась до сих пор.

7. Длительное нахождение общества в состоянии *общей революционной ситуации* (постоянные конфронтация, протесты, столкновения и пр. [Гринин 2020а; Grinin 2022b]; см. выше).

8. Целенаправленный подрыв основ и ведущих институтов общества, что влечет за собой постоянную конфронтацию с ортодоксами, консерваторами, старающимися сохранить статус-кво (например, в последние десятилетия это проделывают глобалисты с помощью движений феминизма, ЛГБТ, защиты цветных и пр., подрывающих семью, религию, историческую память)¹².

9. Ускоренная и поощряемая миграция (ведет к подрыву порядка в обществе в ряде случаев; например, во Франции мигранты неоднократно устраивали массовые и затяжные протесты и беспорядки).

10. Слишком сильная привязка (политические, этнические, религиозные, идеологические связи и обязательства) к этническим анклавам на смежной/соседней территории (два примера подобных случаев, вызывающих дестабилизацию и в рамках своих стран, и за их пределами – Арцах / Нагорный Карабах в Азербайджане и Донбасс).

11. *Террор и антитеррор* (как антиправительственный, так и правительственный), ведущие к потере стабильности.

12. Систематическое разложение и разжигание недовольства в отношении разных обстоятельств и/или групп (в том числе и через пропаганду).

13. *Массовые беспорядки и/или протесты*. Они могут быть в разных формах: революционное движение без революции, например «желтых жилетов», кампании протеста, как во Франции против пенсионной реформы, погромы (к примеру, этнонациональные) и какие-то вспышки насилия (последний пример – беспорядки в связи с антисемитскими настроениями в Дагестане).

¹² Стоит привести характерную мысль из книги Э. Люттвака (2017). Он подчеркивает, что переворот станет успешным только при большой подготовительной тайной работе, то есть если заговорщики будут постепенно захватывать власть изнутри существующей системы, занимая необходимые посты и вербуя нужных людей. Иными словами, сначала идет ползучий переворот, а потом уже силовой. Это очень характерно в том числе и для заговорщиков глобального уровня, которые пытаются (очень даже безуспешно) захватить власть в Мир-Системе, постепенно рассаживая своих людей на высшие посты в разных странах и неустанно проталкивая собственную повестку (климат, права ЛГБТ и пр.) (подробнее см.: Гринин, Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б). Словом, цепочка может быть длинной.

Все это сильно влияет на возможности дестабилизации, создавая особые типы ловушек (см. рис. выше) и ведя к революционным ситуациям.

3. Типология дестабилизационных событий и явлений

Виды типологий. Нельзя говорить о какой-то единственно правильной типологии. Ее характер, как и у любой другой систематизации, связан с научной задачей (см.: Гринин 2006). Поэтому могут иметь место самые разные виды типологий дестабилизационных событий. Мы уже видели деления: 1) вооруженные – невооруженные; 2) насильственные – ненасильственные; 3) внешние – внутренние.

Можно также отметить 4) условно медленные / эволюционные и резкие/революционные. Первые связаны с постепенным упадком общества, нации, системы, в результате чего происходит деградация и потом разрешение. Мы еще увидим такую дихотомию в разделе о смене мирового порядка. Медленная деградация/дестабилизация наблюдается сегодня в депрессивных регионах многих стран, в том числе США. Она может закончиться относительно медленным разрешением и дезинтеграцией или резким взрывом и мощной дестабилизацией. Так, медленное угасание гегемона мирового порядка заканчивается его поражением или ослаблением в течение короткого времени (как это было с Великобританией в период Второй мировой войны).

Важный аспект типологии дестабилизации – 5) по масштабу событий (что особенно важно в рамках проекта, по которому создана эта статья).

Здесь мы выделяем следующие события:

- Мир-системные: мировые кризисы, разрушение мирового порядка; падение центральной мир-системной державы или державы, противостоящей центру (см.: Гринин 2012, 2020б; Grinin 2022b); мировые войны; из новых явлений – глобалистские попытки изменить мир-системную ситуацию; волны революций (могут быть мир-системными или региональными [Гринин, Гринин 2021д; Гринин, Коротаев 2021]).

- Региональные (в том числе региональные революционные волны (например, «арабская весна» [Гринин и др. 2016]; острый конфликт региональных лидеров за гегемонию в регионе).

- Межстрановые.

- Внутространовые.
- Провинциальные.
- Локальные (но даже они могут сыграть важную роль, если ситуация в обществе взрывоопасная).
- В отдельных сферах общества или его институтах (в армии, полиции, религиозных организациях и т. п.).

Наконец, б) по формам свержения режимов и борьбы за власть. Выше мы видели такие попытки, в частности в (Люттвак 2017), но эти типологии выглядели неполными. Попробуем дать нашу типологию дестабилизации **по формам (способам) свержения (изменения) режимов и борьбы за власть** (соответственно, включая и попытки свержения):

1. Военный переворот.
2. Государственный переворот в виде тесного заговора¹³.
3. Государственный переворот конституционным путем¹⁴.
4. Революция.
5. Гражданская война.
6. Повстанческая (партизанская) война с правительством.
7. Восстания военных (например, многочисленные восстания янычар в Турции в провинциях), включая и такую разновидность, как «преторианские», то есть заговоры, восстания с использованием особо привилегированных, дворцовых войск (гвардии и т. п.; стамбульские янычары в Турции также относились к этому роду).
8. Народные восстания (здесь много подвариантов: крестьянские, казацкие, городские; восстания знати, дворян).
9. Этнорелигиозные восстания.
10. Антиправительственные мятежи.
11. Террор с целью изменить режим, устранить конкурентов, установить деспотический режим и т. п. (яркий пример – Иван Грозный с режимом опричнины).
12. Дезинтеграция страны в связи с ослаблением центра (СССР).

¹³ Например, убийство монарха. В России в XVIII – начале XIX в. мы видим целый ряд таких переворотов; их много, конечно, и в других странах, как в Европе, так и на Востоке, в частности в Турции. Известны случаи принуждения к отречению от власти.

¹⁴ Выше мы описывали два вида: путем изменения конституции; путем импичмента или иного отстранения от власти; путем запрета деятельности партий. Также может иметь место созыв Учредительного собрания.

13. Изменение режима в связи с войной, стихийными бедствиями или чрезвычайными ситуациями.
14. Изменения режима в связи с поражением и тяжелыми условиями мира (Веймарская Германия).
15. Национально-освободительная борьба (война).
16. Повстанческая/партизанская война с внешним захватчиком.
17. Захват/аннексия части территории.
18. Оккупация всей территории.
19. Перестройка политической системы оккупированной страны (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021д).
20. Интервенция с целью свержения режима.
21. Свержение (попытка свержения) с помощью угроз или санкций.
22. Установление международного контроля (или кондоминиума) на территории.

Очевидно, наша типология выглядит намного более полной, чем вышеприведенные, хотя, видимо, и она неполна. Также отметим, что с п. 1 по п. 13 – внутренние формы дестабилизационных событий, направленных на борьбу за власть и смену режима (но они, конечно, могут быть связаны с внешними: так, революция или заговор могут быть инспирированы извне); далее идут внутренние, но связанные с внешними событиями; затем внешние формы дестабилизации.

Раздел II. Мировой порядок

Анализ современного и прогнозируемого будущего мирового порядка – очень объемная задача. В настоящей статье мы сможем сказать только о некоторых аспектах этой большой темы и кратко остановимся на некоторых закономерностях смены систем мирового порядка. Стоит подчеркнуть, что история мирового порядка может дать нам важные подсказки в этом направлении, а также объяснить некоторые подходы (включая и аналогии), которые могут быть полезны для анализа современного состояния и предвидения будущих трансформаций.

1. О теориях мирового порядка и их недостатках

Теории мирового порядка. Анализу истории мирового порядка, смене мирового порядка и его лидеров, а также прогнозов о том, каким будет новый мировой порядок, посвящено немало исследований (см., например: Attali 1991; Бжезинский 1998; Zakaria

2008; Закария 2009; Фридман 2010, 2011). Указанные книги З. Бжезинского и Дж. Фридмана прославляли могущество США и предлагали советы, как расширить и удержать их лидерство. Более академичными, фундаментальными и рациональными являются исследования Г. Киссинджера (Киссинджер 1997, 2002; Kissinger 2014).

Смене мировых лидеров посвящены такие классические исследования, как (Kennedy 1987; Modelski G., Thompson W. R. 1996; Валлерстайн 2001; Arrighi 1994, 2007; Zakaria 2008; Закария 2009; см. также: Murray, Brown 2012). Достаточно показательными и в определенном смысле стремящимися к объективности являются доклады Национального разведывательного совета США (Мир... 2009; National Intelligence Council 2008, 2017, 2021). Отмечается, что изменения баланса сил в мире и комплексные внутривнутриполитические трансформации привели, в частности, к ослаблению лидерских позиций США, усилению азиатских стран и третьего мира в целом (Журавлева 2014).

Тема упадка США и Запада в целом в последние десятилетия является одной из самых важных в политической науке (Buchanan 2002; Bell 2012; Reich, Lebow 2014; Olsen 2021). Однако о неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970-х гг., когда страна столкнулась сразу с политическим, экономическим и валютным кризисами. В эти и последующие годы также нередко прогнозировалось, что Япония сменит США в роли экономического лидера (см., например: Kennedy 1987). Однако новый всплеск технологической волны в США в 1990-е гг., проходивший на фоне экономической стагнации Японии, показал ошибочность таких взглядов. Лидерство Соединенных Штатов не только оказалось достаточно прочным, но и поднялось на новый уровень в результате распада коммунистического блока и СССР. Однако именно с 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться (см., например: Colson, Eckerd 1991; Тодд 2004; Валлерстайн 2001; Wallerstein 2003; Капхен 2004).

Основные их недостатки: политическая ангажированность; чрезмерная идеологизация; порой отсутствие глубокого понимания механизмов функционирования нового порядка; часто преобладают страновой и блоковый подходы, однако должен быть и взгляд глобальный. Имеет место недопонимание тотальности американской гегемонии, поэтому, когда прогнозируют, что место Соединенных

Штатов займет Китай, не учитывают невозможность для КНР полностью воспроизвести лидерские функции США. Не принимают в расчет также борьбу американистов и глобалистов как важнейшую составляющую смены мирового порядка (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021е; 2022г). Нельзя не отметить недоучет принципиально новых явлений и тенденций: а) неизбежности возврата к глобализации; б) влияния демографического фактора (растущий третий мир и депопуляция на Западе); в) возрастающей роли Африки.

В качестве недостатков теории циклов мировой гегемонии нужно отметить:

1) что столетние и более длительные циклы слишком длинные, а в реальности мировой порядок менялся быстрее. Поэтому циклы гегемонии не полностью, а порой даже существенно не совпадают с циклами мирового порядка. Также нельзя считать Геную или Голландию реальными силовыми центрами. Дж. Арриги (2006) более точен, говоря о циклах накопления капитала, которые могут совпадать с военно-политическими гегемониями, а могут и не совпадать;

2) учитывается только одна модель смены мирового гегемона и мирового порядка (см. ниже);

3) не принимается в расчет то, что может случиться не смена лидера, а смена системы (то есть на смену лидеру придет концерт великих держав).

2. О некоторых закономерностях смены систем мирового порядка

Можно выделить несколько фаз (систем) европейского, а затем и мирового порядка (см.: Гринин 2017б, 2016а; Grinin *et al.* 2016; Grinin 2016; Zakaria 2008). Изучение смены этих систем приводит нас к некоторым важным выводам (в том или ином виде они формулируются разными исследователями [см., например: Бжезинский 1998; Кеннеди 2018; Киссинджер 1997, 2002; Kissinger 2014; Zakaria 2008; Arrighi, Silver 1999; Арриги 2009] и циркулируют в публицистическом дискурсе), но в целостной системе они встречаются редко. Мы представляем наше видение:

1. Система мирового порядка, как и любая сложная и динамичная система, проходит несколько (жизненных) фаз в своем развитии. Количество выделяемых фаз может зависеть от научных задач. Их может быть три: формирование – расцвет – упадок; че-

тыре: формирование – расширение (экспансия) – стабилизация – распад¹⁵; или пять, если к предыдущей фазе добавить еще одну: формирование – расширение (экспансия) – стабилизация – деградация (упадок) – распад. Пожалуй, последняя выглядит наиболее адекватно.

2. Можно добавить также фазу после распада прежнего мирового порядка, когда идет кристаллизация контуров нового, но на фоне ожесточенной борьбы за гегемонию. Наиболее выдающимся в этом плане был период Второй мировой войны.

3. Можно согласиться, что все это представляет определенный циклический паттерн, циклы мирового порядка, которые ряд исследователей называют циклами гегемонии.

На фазе упадка/разрушения/деградации обычно наблюдаются тенденции к потере центром мирового порядка способности адекватно оценивать ситуацию, соответственно действия, которые объективно ведут к дальнейшему ослаблению центра и обострению международных отношений. Именно это мы имеем сегодня в отношении поведения США и Запада в целом.

4. Еще Геродот (см. выше) отмечал, что в апогее могущества (и, добавим, особенно когда оно начинает клониться к упадку) в поведении могущественных держав (в нашем контексте – центральной державы мирового порядка) наблюдаются высокомерие и несправедливость по отношению к менее сильным. Сегодня мы видим это со стороны США, в том числе по отношению к союзникам, а со стороны Европы и других американских союзников – в отношении остальных стран. В итоге это ускоряет падение великих держав.

5. Смена мирового порядка, к сожалению, в прошлом всегда была связана с войной. Следовательно, и в настоящий момент нужно быть готовым к этому и крайне осторожным, чтобы не спровоцировать большую войну.

6. Появляются конкуренты на разных стадиях жизни системы мирового порядка. Соответственно, идет непрерывная борьба за лидерство. Это может происходить либо на стадии формирования нового мирового порядка, когда на смену уходящему лидеру прихо-

¹⁵ Три стадии выделял уже Геродот. В изложении Дж. Неру это звучит так: «...в истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение» (Неру 1981: 82).

дят претенденты (каким был СССР по отношению к США); либо на стадии начала заката (Германия по отношению к Великобритании).

7. Наличие конкурентов может быть как благом, поскольку держит мирового лидера в тонусе, так и, естественно, катастрофой, если конкурент побеждает, а лидер не собирается уступать ему место.

8. Отсутствие конкурента порождает и ускоряет деградацию лидера.

9. В конечном счете смена системы мирового порядка определяется изменением баланса сил (о различных подходах к теории баланса сил см., например: Waltz 1979: 116–123)¹⁶.

10. Исключительно важными являются периоды реконфигурации мирового порядка и Мир-Системы, в которые проявляются мировой беспорядок и усиление борьбы за гегемонию. Возможно, имеет смысл выделять их как отдельную фазу.

11. Гегемон обычно обладает не всеми преимуществами, а только некоторыми (финансовыми, технологическими и др.).

12. Совмещение у США практически всех преимуществ – это исключение. А значит, не следует ожидать, что исключение станет правилом. Иными словами, на смену США вряд ли явится такой же по мощи лидер (мы уже писали об этом ранее, см.: Гринин 2016б; Grinin *et al.* 2016; Grinin, Korotayev 2015; Grinin *et al.* 2023).

13. К этому следует добавить, что наличие единственного гегемона в мировом порядке – тоже исключение. Обычно формировалась модель либо концерта великих держав, либо дуумвирата (как было после Первой мировой войны, когда на авансцену вышли Англия и Франция). Особая модель, биполярная система, сформировалась после Второй мировой войны (США – СССР).

14. Отсюда мы прогнозируем, что следующая система мирового порядка будет напоминать концерт великих держав, точнее, держав и блоков (например, ЕС и др.)¹⁷.

¹⁶ Соотношение сил ведущих государств в мировом пространстве никогда не бывает постоянным, преимущественно из-за неравномерности темпов развития различных сообществ, а также из-за технологических и организационных прорывов, что, безусловно, создает для одного общества определенные преимущества перед другим (Кеннеди 2018).

¹⁷ К 1943 г. биполярный мир, предсказанный еще несколькими десятилетиями ранее, наконец сформировался, и соотношение вооруженных сил вновь стало соответствовать мировому распределению экономических ресурсов (Кеннеди 2018).

Вместо заключения. Дестабилизация и мировой порядок

Как сказано в самом начале статьи, дестабилизация – очень важный фактор смены мирового порядка. Иначе никакой порядок бы не менялся. Однако смене системы мирового порядка предшествуют периоды дестабилизации. Без нее такой переход не случается, но важно, чтобы этот период не был чрезмерно разрушительным.

Мы приходим к выводу, что в настоящее время Мир-Система вступила в весьма турбулентную эпоху, которая продлится порядка 10–20 лет. Эта турбулентность будет связана с процессами преобразования, реконфигурации мирового порядка и мирового политического ландшафта (Гринин 2020б; Гринин и др. 2016). Она может и скорее всего будет включать в себя и вооруженные конфликты, а также возрастание угрозы большой войны (до которой все же, мы надеемся, дело не дойдет). Это станет своего рода переходной эпохой к более устойчивому новому мировому порядку, становление которого будет непростым. Соответственно, указанные процессы не могут не повлиять на возможные проявления дестабилизации в разных странах.

Основные векторы указанной реконфигурации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных государств и в целом увеличение роли развивающихся стран. При этом необходимо иметь в виду, что подтягивание (политической составляющей глобализации к экономической, поскольку первая отстала от второй) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах. Мы рассматриваем кризисы и потрясения, например на Ближнем Востоке и Украине, именно как реконфигурационные кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка (при этом кризисы эти усиливаются и втягивают в себя очень много стран и заинтересованных сил). При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, возможно, внезапных кризисов в разных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигураци-

онные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит». Данный тезис, на наш взгляд, полностью отражает ситуацию на Украине, где и общество, и территория раскололись, все это в итоге вызвало военный конфликт, неизбежно ведущий к дальнейшим разломам (см.: Гринин 2022).

На стыке геополитических «плит» находятся также общества Закавказья (события в Карабахе тому свидетельство) и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что кризисы обязательно произойдут).

Таким образом, дестабилизация способна возникнуть в наиболее слабых (в смысле устойчивости к потрясениям) обществах. Однако начавшиеся процессы реконфигурации с характерными для нее процессами нестабильности захватили не только полупериферийные зоны, но и ядро Мир-Системы. Брекзит Великобритании усилил процессы нестабильности не только в ней самой (свидетельство чему – новое возрождение сепаратизма в Шотландии), но и в целом в Европейском союзе. В ряде его стран наблюдается движение в сторону евроскептицизма, усилившееся в связи с антироссийскими санкциями, с вытекающими отсюда последствиями. А наличие Д. Трампа как претендента на пост президента влияет и будет влиять на внутреннюю ситуацию в США. Таким образом, становится очевидно, что в некогда, казалось бы, совершенно благополучных обществах нарастает раскол.

В начале статьи мы говорили об уникальном эксперименте Европы. Однако при всей важности указанного эксперимента, позволившего мирно и планомерно изменить политическую и экономическую организацию европейских стран, в результате которого было создано единственное пока в мире постоянное и систематически функционирующее наднациональное образование, этот же опыт говорит, что пока довести такой эксперимент до его логического конца (растворения главных параметров национального суверенитета в наднациональном и формирование реального наднационального суверенитета) не получается. Напротив, системе угрожает распад.

Таким образом, мы находимся в водовороте дестабилизационных событий, которые означают размывание прежнего мирового порядка. Каким будет новый порядок, во многом зависит от целей, которые будет ставить РФ, и от правильности внешней политики России.

Литература

Арриги, Дж.

2006. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. 472 с.

2009. *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век*. М.: Ин-т общественного проектирования. 456 с.

Бжезинский, З. 1998. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения. 256 с.

Валлерстайн, И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. 416 с.

Гринин Л. Е.

2006. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ. С. 188–223.

2016а. Глобальные процессы и контуры нового мирового порядка. *Восточно-Европейский научный вестник* 2(6): 16–26.

2016б. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

2017а. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.

2017б. Размышления о трансформациях мирового порядка. Ч. 1. Мировой порядок в прошлом и настоящем. *Credo New* 1(89). URL: <http://credo-new.ru/archives/983>.

2018. Семь слабостей Америки и Дональд Трамп. *Век глобализации* 2: 28–45.

2020а. Сложилась ли в Америке революционная ситуация? *Век глобализации* 3: 31–44. DOI: 10.30884/vglob/2020.03.03.

2020б. Революции как фактор дестабилизации и реконфигурации Мир-Системы в XXI столетии и афразийская макрозона нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный*

мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 1. Волгоград: Учитель, 2020. С. 144–178.

2020в. Религиозный фактор, радикальный исламизм и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Ч. 1.* Волгоград: Учитель, 2020. С. 137–147.

2022. Что год грядущий нам готовит? Экономические прогнозы на 2023 год. *Историческая психология и социология истории* 2: 19–28. DOI: 10.30884/ipsi/2022.02.02.

Гринин, Л. Е., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В., Гринин, А. Л. 2018. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник.* Волгоград: Учитель. С. 54–80.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2021а. Глобализм против американизма. Статья первая. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка. *История и современность* 2: 3–43. DOI: 10.30884/iis/2021.02.01.

2021б. Глобализм против американизма. Статья вторая. Глобализм и будущее США и мира. *История и современность* 3: 3–53. DOI: 10.30884/iis/2021.03.01.

2021в. Размышления об экономическом росте и будущем. Статья первая. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада». *Философия и общество* 3: 5–34. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.01.

2021г. Размышления об экономическом росте и будущем. Статья вторая. Глобализм, неосоциализм, спасение климата и экономический рост. *Философия и общество* 4: 5–38. DOI: 10.30884/jfio/2021.04.01.

2021д. Революции XX века: общие причины и классификация. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Революционные процессы в афразийской макрзоне нестабильности и их глобальный контекст: ежегодник.* Волгоград: Учитель. С. 36–69.

2021е. Идем ли мы к глобалистской революции? (как глобалисты пытаются изменить мир). Статья первая. Глобализм в «революционном» аспекте. *Век глобализации* 4: 3–26. DOI: 10.30884/vglob/2021.04.01.

2022а. Демографический срез исторического процесса. Статья первая. Демографические трансформации vs производственные революции. *Философия и общество* 3: 5–39. DOI: 10.30884/jfio/2022.03.01.

2022б. О попытках совершить глобалистскую революцию. 1: Рассмотрение глобализма в «революционном» аспекте. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 544–571. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_15.

2022в. О попытках совершить глобалистскую революцию. 2: Возможна ли глобалистская революция и какова ее цена для мира? В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 572–606. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_16.

2022г. Идем ли мы к глобалистской революции? (как глобалисты пытаются изменить мир). Статья вторая. Глобалистская революция и ее цена для мира. *Век глобализации* 1: 3–28. DOI: 10.30884/vglob/2022.01.01.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. Заключение. Сюрпризы и противоречия Ближнего Востока. В: Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В., *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 228–235.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ. 336 с.

2021. Революционные события XXI века и теория революции. Методологические пояснения. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Революционные процессы в афразийской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 543–567.

2023 (ред.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизации в Мир-Системе*. Волгоград: Учитель (в печати).

Журавлева, В. Ю. 2014. Идеино-политические корни американского лидерства. *США и Канада: экономика, политика, культура* 11: 19–32.

Закария, Ф. 2009. *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа. 280 с.

Капхен, Ч. 2004. *Закат Америки. Уже скоро*. М.: АСТ, Люкс. 637 с.

Кеннеди, П. 2018. *Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.* М.: Гонзо.

Киссинджер, Г.

1997. *Дипломатия*. М.: Ладомир. 848 с.

2002. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века*. М.: Ладомир. 416 с.

Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Билога, С. Э., Васькин, И. А., Слинко, Е. В., Шишкина, А. Р., Мещерина, К. В. 2017. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 344 с.

Люттвак, Э. Н. 2017. *Государственный переворот: практическое пособие*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. URL: <https://fb2.top/gosudarstvennyu-perevorot-412271>.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. 2009. М.: Европа.

Неру, Дж. 1981. *Взгляд на всемирную историю*: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс. 452 с.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Pax Americana – начало конца*. М.: Международные отношения. 240 с.

Токвиль, А. де. 1997. *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд. 252 с.

Фридман, Дж.

2010. *Следующие 100 лет*. М.: Эксмо. 336 с.

2011. *Следующие 10 лет*. М.: Эксмо. 320 с.

Хантингтон, С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

Шпенглер, О. 1993. *Закат Европы*. Т. 1. М.: Мысль. 663 с.

Шумпетер, Й. 2007. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо. 864 с.

ACLEDD. Bringing Clarity to Crisis. N.d. URL: <https://acleddata.com/>.

Arrighi, G.

1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso. 432 pp.

2007. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso. 432 pp.

Arrighi, G., Silver, B. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Attali, J. 1991. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York, NY: Times Books. 130 pp.

Banks, A. S., Wilson, K. A. 2020. Cross-National Time-Series Data Archive. Jerusalem: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.

Bell, J. 2012. *The Case for Polarized Politics. Why America Needs Social Conservatism*. New York: Encounter Books. 328 pp.

Buchanan, P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: St. Martin's Griffin. 320 pp.

Chenoweth, E., Shay, C. W. 2020. List of Campaigns in NAVCO 1.3. Harvard Dataverse, V1. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND>.

Chenoweth, E., Stephan, M. J. 2011. *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press. 320 pp.

Chenoweth, E., Ulfelder, J. 2017. Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution* 61(2): 298–324. DOI: 10.1177/0022002715576574.

Colson, C., Eckerd, J. 1991. *Why America doesn't Work*. Dallas: Word Pub Group. 227 pp.

Databanks International's Cross-National Time-Series Data (CNTS). N.d. URL: <https://www.cntsdata.com/>.

Deneen, P. J. 2018. *Why Liberalism Failed*. New Haven; London: Yale University Press. 264 pp.

Grinin, L.

2016. Evolution of World Order. In Grinin, L. E., Korotayev A. V. (eds.), *Evolution and Big History: Dimensions, Trends, and Forecasts*. Volgograd: "Uchitel" Publishing House. Pp. 75–95.

2022a. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 69–104. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_3.

2022b. Revolutions of the 21st Century as a Factor of the World System Reconfiguration. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 973–996. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_38.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A.

2021. COVID-19 Pandemic as a Trigger for the Acceleration of the Cybernetic Revolution, Transition from E-Government to E-State, and Change in Social Relations. *Technological Forecasting & Social Change* 175: 121348. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121348.

2023. Demographic Transformations in the Light of Technological Development: Types of Demographic Reproduction in the Past and in the Future. *Social Evolution & History* 2 (in print).

Grinin, L., Grinin, A., Malkov, S. 2023. Socio-Political Transformations. A Difficult Path to Cybernetic Society. In Sadovnichy, V., Akaev A., Ilyin I., Malkov, S., Grinin, L., Korotayev A. (eds.), *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer. Pp. 169–190.

Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Andreev, A. I. 2016. World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution and History* 15 (1): 58–84.

Grinin, L., Korotayev, A.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York, NY: Springer International Publishing.

2020. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony. *World Futures*. DOI: 10.1080/02604027.2020.1801309.

Kennedy, P. 1987. *The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York, NY: Random House. 704 pp.

Kissinger, H. 2014. *World Order*. New York, NY: Penguin Press. 432 pp.

Modelski, G., Thompson, W. R. 1996. *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 282 pp.

National Intelligence Council

2008. *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council.

2017. *Global Trends 2035: Paradox of Progress*. Washington, DC: National Intelligence Council.

2021. *Global Trends 2040: A More Contested World*. Washington, DC: National Intelligence Council.

Olsen, G. R. 2021. Donald Trump and “America First”: the Road Ahead is Open. *International Politics* 1: 71–89.

Reich, S., Lebow, R. N. 2014. *Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System*. Princeton; New York: Princeton University Press. 208 pp.

Russel, J. G. 1975. Population in Europe 500–1500. In Cipolla, C. M. (ed.), *The Fontana Economic History of Europe. The Middle Ages*. London: Collins/Fontana Books. Pp. 25–70.

UCDP. N.d. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. URL: <https://ucdp.uu.se/>.

Wallerstein, I. 2003. *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York: New Press. 324 pp.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York; London: W. W. Norton. 304 pp.